

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Странствующий музыкант Сережа Р.

Только одно место было закрыто для него – родина

Алексей Кожунков

Он избегал говорить «СССР», говорил «Россия», редко употреблял слово «советский». И вместе с тем был одним из первых эмигрантов, кто в начале Великой Отечественной войны организовал сборы в помощь Красной армии. Более восьми тысяч долларов отправились на родину с коротким письмом: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить в полную победу!»

ду, лихо катался на подножках, а сэкономленные деньги чаще тратил на каток, чем на оперу. Единицы в зачетке аккуратно переправлялись на четверки, и потому угрозы исключения из консерватории заставляли его друзей врасплох. Но все прошло. За выпускную оперу «Алеко» на любимые им цыганские мотивы консерваторская комиссия присудила Сергею Рахманинову Большую золотую медаль. (Чайковский обвел пятерку с плюсом и добавил поверх еще три!) А ведь совсем недавно он подписывался под фотографиями:

приобрели неожиданный поворот: «Раньше трусил всего понемногу, разбойников, воров, эпидемий – но с ними по крайней мере можно было справиться. А тут действует именно неопределенность – страшно, если после смерти что-то будет. Лучше сгнить, исчезнуть, перестать быть, но если за гробом есть что-то другое, вот это страшно. Пугает неопределенность, неизвестность».

«Если бы в аду существовала консерватория, – писал едкий критик Цезарь Кюи, – Рахманинов, безусловно, получил бы

Рахманинов с силой бросает себя не только в выси, но и в бездны. И все-таки выбирается из них

...Ему уготована была стезя родителей, отца-военного. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Кутежи отца, промотавшего четыре поместья, дали ему шанс пойти другой дорогой. Знал ли маленький Сережа, что, прячась от родительских ссор под роялем, он всю жизнь будет там же укрываться от людей и мира? И более того, укрывать людей в своем музыкальном мире...

Одаренный мальчик, однако, не очень-то любил заниматься. Редки были случаи, когда он подходил к окну и бросал заворуженно слушающим прохожим: «Ну что, еще сыграть, что ли?» Будучи студентом Петербургской консерватории, он слонялся по горо-

«Странствующий музыкант Сережа Р.»

«Колокольный звон, литургия, чертовщина, ужас перед стихийным пожаром – все это созвучно тому строю, который прогнал задолго до Октябрьской революции», – писала «Вечерняя Москва» после исполнения в Московской консерватории «Колоколов». Грустно это читать. Но испытывал ли он этот «ужас перед стихийным пожаром»?

В характере Рахманинова не было пасмурности, пессимизма, напротив – он был весьма твердый и жизнерадостный человек. Но он обладал удивительно тонким чувством трагичности бытия. С некоторого времени его мысли о смерти

первую премию за свою симфонию, настолько дьявольски-ми диссонансами он угостил нас». К этой так плохо принятой Первой симфонии Рахманинов взял тот же эпиграф, что и Толстой к «Анне Карениной»: «Мне отпущение и аз воздам». То же восклицание о тщете человеческого суда перед лицом Суда Вселенского. Но для Рахманинова Dies irae, этот известный мотив реквиема, стал самой сутью соприкосновения с иными мирами. И, раз вдохнутой страшной, странной свободы, он навсегда остался ее свободным пленником...

«Остров мертвых», вдохновленный картиной Бёклина, наиболее насыщен этой странной, фантастически обнаженной по-

Портрет С.В. Рахманинова.

Б.Ф. Шаляпин. 1940 г.

ступью Страшного суда. Кажется, какой-то внезапной шквал нарастает с каждым глухим всплеском ударных и все угрожает обрушиться колоссальной волной струнных, но остров мертвых, к которому приближается ладя Харона, гигантским остовом возвышается над бегом величественных волн. Сила жизни, парадоксально обрисовывающая место смерти...

Вряд ли так важно теперь достоверно выяснять его «отношения с Богом». Но неужели «Духовный концерт» или «Воскрешение Лазаря» – просто «дань традиции»? Нет, Рахманинов ни в коей мере не елейный. Он с силой бросает себя не только в выси, но и в бездны, а ведь из бездн еще нужно суметь выбраться... Инферальность «Симфонических танцев» или «Колоколов» – это нечто вроде безумной Вальпургиевой ночи, в которой даже колокольный звон становится

потусторонним зовом несбыточного, запертого, скованного движения. От серебристого перезвона дорожных колокольчиков до оглушающего, зловещего набата! И все-таки он выбирается, откликается на еле слышный, но предельно правдивый нездешний музыкальный зов светового эха. И, закончив партию «Симфонических танцев», сдержанно пишет в конце: «29 октября 1940 года. Благодарю Тебя, Господи». Скольким обязан был он людям, ведомо, наверное, только ему одному...

Его жизнь была полнокровна. Но творческие кризисы вгоняли его в депрессию, из которой самостоятельно он, похоже, не мог выбраться. В 1899 году ему приснился «музыкальный бог», Антон Рубинштейн, громогласно поразив-

ший его простым вопросом: «Почему вы не играете?»

...10 ноября 1918 года Рахманинов вместе с семьей на норвежском пароходе прибывает в Америку. За первые десять лет зарубежной жизни не было написано ни одного нового произведения. «У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожных воспоминаний». В Америке то приглашали везде и всюду, но он неизменно всем (за исключением самых близких друзей) отказывал. Привыкли. Замученный людьми, ну что ж, знаменитость, может себе позволить... Деликатнее прочих был Бунин, который называл эти причуды «большой сдержанностью моего высокого друга».

«Вначале смерть», – говорил Рахманинов о развитии музыкальной темы «Острова мертвых», – а затем жизнь... Главное – уйти из мира в мир. Больше всего он любил пятый гимн «Всенощного бдения»: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром». Просил, чтобы этот гимн исполнили на его похоронах.

Рахманинов умер от скоротечной формы рака. Диагноз пытались от него скрыть, уверяя, что все скоро придет. «Будем держаться», – сказал он. Попрощался со своими руками: «Прощайте, бедные мои руки...» «Кто это все знает?» – спрашивал он, изредка приходя в сознание. Ему объясняли, что никто не играет, и он удивленно покачивал головой. Уходя, он слышал музыку. А может быть, стал слышать ее снова...

Независимая - 2005 - 15 апр - с. 24